
дара фокс
ведьма
леса

Дара Фокс
Ведьма леса

https://litres.ru/74731184
SelfPub; 2026

Аннотация

Виктория всю жизнь прожила на краю глухого леса – там, где бабушка запрещала зажигать огонь после заката, не велела подходить к старому колодцу и каждый вечер повторяла одно и то же: вернись до темноты. Она привыкла считать себя обычной девушкой. Привыкла не задавать вопросов. Привыкла не замечать, как в её ладонях иногда вспыхивает тепло – живое, нетерпеливое, слишком сильное, чтобы быть просто искрой. Но однажды бабушка исчезает. Лес, который всегда молчал, начинает шептать её имя. А из-под земли поднимаются те, о ком в деревнях говорили только шёпотом и с молитвой. Теперь у неё есть три вопроса, на которые нет простых ответов: Кто она на самом деле? Кому верить, если друг что-то скрывает, а враг говорит правду? И что делать, если пламя, которого ты боялась всю жизнь, – единственное, что может спасти всех?

Содержание

Глава 1. Тайны леса 4
Глава 2. Ночь правосудия 11
Глава 3. Не ходи, к колодцу красна девица 18
Глава 4. Всё тайное становится явным 26
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Дара Фокс
Ведьма леса

Глава 1. Тайны леса

Лес просыпался раньше людей.

Виктория знала это с детства: сперва начинали перешёптываться верхушки сосен, затем по коре пробегала трепетная дрожь, и лишь потом где-то далеко, за оврагом, робко подавала голос первая птица. Бабушка говорила, что так лес испытывает всякого, кто в него входит: внимает ли тот ему, затаив дыхание, или спешит мимо, занятый лишь собой. Если кто-то оставался глух – жди беды.

Виктория слушала. Всегда.

Она вышла на крыльцо с ведром, когда над деревьями ещё висела сизая мгла. Воздух стоял сырой, тяжёлый; пахло мхом, прелой корой и вчерашним дымом. Дом стоял на краю леса, вдали от тракта, вдали от деревень, подальше от людей, чьи вопросы были слишком опасны. Так хотела бабушка.

– Виктория, – раздалось из-за двери. – Не стой босиком.

– Я не босиком, – отозвалась она, хотя ноги действительно стыли сквозь тонкие кожаные башмаки.

Бабушка вышла на крыльцо, кутаясь в тёмную шаль. Седина серебрилась в её туго заплетённой косе, руки помнили

больше работы, чем могли выдержать, но глаза оставались молодыми. Слишком молодыми. Иногда Виктория ловила на себе этот взгляд и думала: бабушка видит во мне то, чего я сама в себе не замечаю.

– Сегодня до заката вернись, – сказала бабушка. – Слышишь?

– Ты говоришь это каждый день.

– И каждый день это остаётся важным.

Виктория вздохнула и поставила ведро. В колодце на поляне вода была холодной и чистой, но бабушка запрещала ходить к нему. Тому, что за оврагом. Тому, у которого даже камни казались чёрными.

– А если я не вернусь? – спросила Виктория, просто чтобы подразнить.

Бабушка не улыбнулась.

– Тогда лес заберет тебя.

Шутка вышла плохой. Виктория почувствовала, как в ладонях снова появилось это тепло – слабое, будто она подержала руки над свечой. Оно приходило иногда: когда она злилась, когда пугалась, когда слишком долго смотрела на огонь в печи. Бабушка говорила, что это от крови. Что у них в роду все такие. Но когда Виктория спрашивала, какие именно «такие», бабушка замолкала и начинала перебирать сушёные травы.

– Я вернусь, – сказала Виктория.

– Вернись, – кивнула бабушка и скрылась в доме.

К полудню лес прогрелся. Виктория собирала хворост, проверяла силки и старалась не думать о старом колодце. Но мысли возвращались, как возвращаются птицы к брошенному гнезду. Вчера ночью ей снова снился сон: будто она стоит на поляне, а из-под земли поднимается тёмная вода и шепчет её имя. Не «Виктория». Другое. Короткое и чужое. От этого сна у неё утром болели пальцы.

– Ты опять хмуришься, как старая сова.

Виктория вздрогнула и обернулась.

На тропе стоял Влад. Сын лесничего. Высокий, темноволосый, с усмешкой, которая появлялась раньше, чем он успевал поздороваться. Он был в простой рубахе и куртке, слишком хорошей для сына лесничего, но Виктория давно перестала спрашивать, откуда у него такие вещи. Влад всегда уходил от ответов легко, будто играл в игру, правил которой не объяснял.

– Ты ходишь тихо, как вор, – сказала она.

– А ты стоишь так, будто ждёшь, что лес сам принесёт тебе хворост.

– Может, и принесёт.

Влад подошёл и без спроса забрал у неё вязанку. Он всегда так делал: помогал, не спрашивая, и улыбался так, будто это ничего не стоило.

– Бабушка запретила тебе ходить к оврагу? – спросил он вдруг.

Виктория посмотрела на него внимательнее.

– А тебе откуда знать?

– Ты вчера смотрела в ту сторону три раза. И каждый раз делала вид, что смотришь на белку.

– Может, я и смотрела на белку.

– Белки там нет. Там только старый колодец и камни.

Они пошли рядом, и лес постепенно становился тише. Не так, как бывает перед дождём, а иначе. Будто кто-то прислушивался к их разговору.

– Влад, – сказала Виктория, – а ты веришь в подземных тварей?

Влад посмотрел на Вику серьёзно. Это было странно. Обычно он смеялся над всем: над её страхом грозы, над бабушкиными травами, над собственной тенью. Но сейчас его лицо стало серьёзным.

– Почему ты спрашиваешь?

– Сны. – Виктория пожала плечами. – И ещё... вчера у дома была мёртвая птица. Ворона. Я хотела её убрать, а она рассыпалась. Как пепел.

Влад остановился. Совсем. Так резко, что Вика едва не налетела на него.

– Ты трогала её?

– Нет. Только палкой.

– Хорошо.

– Хорошо? – Она нахмурилась. – Влад, что происходит?

Он снова улыбнулся, но улыбка вышла кривой.

– Ничего. Просто... не трогай больше таких птиц. И к

оврагу не ходи. Бабушка права.

– Ты знаешь что-то.

– Я знаю, что лес не любит, когда его будят, – сказал он. – Пойдём. Я нашёл ежевику за ручьём. Если ты, конечно, не боишься испачкать руки.

Виктория хотела настоять на своём, но Влад уже шёл вперёд, и она поняла: сейчас он всё равно не скажет. Он был её лучшим другом с тех пор, как она себя помнила. Но иногда Виктории казалось, что рядом с ней стоит человек, который носит чужую одежду и говорит чужим голосом. Не злым. Просто чужим.

Домой она вернулась до заката.

Бабушка уже заперла ставни. В доме пахло сушёной полынью и воском. На столе стояла миска с кашей, но Виктория заметила, что бабушка не ела. Она сидела у печи и держала в руках маленький медальон на цепочке. Виктория видела его раньше, но никогда – так близко. На тёмном металле был выбит круг, а внутри круга – язык пламени.

– Что это? – спросила Виктория.

Бабушка быстро спрятала медальон в ладонь.

– Старая вещь. Не бери в голову.

– Ты всегда так говоришь, когда не хочешь отвечать.

– Потому что некоторые ответы слишком дорого стоят.

Виктория села напротив. Огонь в печи потрескивал, и в его свете бабушкино лицо казалось вырезанным из старого дерева.

– Бабушка, – тихо сказала она. – Кто я?

Рука бабушки дрогнула.

– Ты моя внучка.

– Это не ответ.

– Это единственный ответ, который я могу тебе дать.

За окном что-то стукнуло.

Обе замерли. Стук повторился – глухой, будто по стеклу провели когтем. Потом ещё раз. И ещё.

Бабушка поднялась так быстро, что скамья под ней скрипнула.

– Не подходи к окну, – сказала она.

– Что это?

– Не подходи к окну, Виктория.

Голос был таким, что Вика осталась на месте. В ладонях снова вспыхнуло тепло. На этот раз сильнее. Оно поднималось по рукам, к локтям, к груди, и Виктория сжала кулаки, чтобы не дать ему вырваться.

За окном снова раздался звук. Теперь это был шёпот. Тихий, тягучий, будто кто-то говорил из-под земли.

– Виктория...

Она вздрогнула.

Бабушка обернулась. В её глазах был страх. Настоящий, старческий, глубокий страх, который она не смогла спрятать.

– Слушай меня, – сказала она. – Что бы ты ни услышала сегодня ночью, не открывай дверь. Не зажигай огонь. И не отвечай, если тебя позовут.

– Бабушка...

– Обещай.

Виктория смотрела на неё и чувствовала, как тепло в ладонях становится горячим. Почти больно.

– Обещаю, – сказала она.

Бабушка кивнула. Потом подошла к двери и задвинула тяжёлый засов. За окном шёпот стих. Но Виктория знала: лес не замолчал. Он просто ждал.

И где-то далеко, за оврагом, у старого колодца, чёрная вода впервые за много лет поднялась до самых камней.

Глава 2. Ночь правосудия

Виктория не спала.

Она лежала на своей узкой постели, укрытая старым одеялом, и слушала. Дом, казалось, дышал вместе с ней: скрипели половицы, потрескивала остывающая печь, где-то за стеной мышь торопливо перебирала лапками. Но всё это были звуки живого, привычного мира. А за окном творилось что-то другое.

Шёпот не прекратился. Он стал тише, вкрадчивее, будто тот, кто говорил, понял, что его слышат, и теперь старался не напугать, а уговорить. Виктория различала в нём слова, но не могла собрать их в предложения. Ей слышалось её имя – не «Виктория», а то другое, короткое и чужое, из сна. Оно царапало слух, как сухая ветка по стеклу.

Она повернулась на бок. В темноте угадывался силуэт бабушки: та сидела у печи, не зажигая огня, и что-то тихо перебирала в руках. Медальон. Виктория слышала, как звякает цепочка.

– Бабушка, – прошептала она.

Руки бабушки замерли.

– Спи, – ответила она так же тихо. – Я здесь.

– Оно не уходит.

– Не уйдёт. Сегодня не уйдёт.

Виктория хотела спросить, что значит «сегодня», но в этот

момент стук повторился. Теперь он был не у окна, а у двери. Медленный, тяжёлый, будто кто-то водил по дереву не когтем, а всей ладонью. Раз. Другой. Третий.

Бабушка поднялась. Виктория услышала, как она подходит к двери и останавливается. Засов был тяжёлый, окованный железом. Бабушка положила на него руку.

– Уходи, – сказала она. Голос был твёрдый, но Виктория слышала под ним дрожь. – Тебе здесь нечего делать. Мы не заключали с тобой договора.

За дверью что-то заскреблось. Потом шёпот стал громче, и на этот раз Виктория разобрала слова:

– Она уже проснулась. Ты не спрячешь её, старая.

Бабушка отшатнулась от двери. Виктория видела, как она прижала к губам кулак, будто сдерживая крик. Потом бабушка вернулась к печи, взяла медальон и подошла к внучке. В темноте её глаза блестели.

– Возьми, – сказала она и вложила медальон в руку Виктории. Металл был тёплым, будто его только что держали над огнём. – Спрячь под рубаху. И что бы ни случилось, не снимай.

– Бабушка, что происходит? – Виктория села. – Кто это? Почему он говорит про меня?

– Потому что ты не просто моя внучка, Виктория. – Бабушка опустилась на край постели. Впервые за долгое время она выглядела старой. – В тебе есть огонь. Тот, который они однажды погасили. И теперь они хотят вернуть его обратно.

– Огонь? – Виктория растерянно посмотрела на свои ладони. – Ты о том тепле, что бывает в руках? Бабушка, это же просто... бывает у всех.

– Не у всех.

– Но ты никогда не говорила...

– Потому что до сегодняшней ночи тебе не нужно было знать. – Бабушка говорила тихо, но твёрдо. – Я надеялась, что успею подготовить тебя. Что успею объяснить. Но они пришли раньше.

– Кто «они»?

– Те, кто живёт под землёй. Те, с кем твой дед заключил сделку, а я не смогла её расторгнуть.

Виктория сжала медальон. Тепло в ладонях стало нестерпимым, но не обжигало. Оно пульсировало в такт её сердцу – и от этого становилось ещё страшнее.

– Я ничего не понимаю. Какой огонь? Какая сделка? Бабушка, я же обычная...

– Нет. – Бабушка коснулась её щеки. – И никогда не была. Но понимание придёт позже. Слишком поздно, возможно. А сейчас слушай меня внимательно. Когда я выйду, ты закроешь дверь на засов. И не откроешь, пока не услышишь три удара. Не два, не четыре. Три. Поняла?

– Ты не выйдешь.

– Выйду. – Бабушка уже вставала. – Иначе они не уйдут. Им нужна я, а не ты. Пока нужна.

Виктория схватила её за руку.

– Я пойду с тобой.

– Нет. – Бабушка высвободила руку. – Ты останешься. И запомни: если я не вернусь до рассвета, иди к Владу. Не к деревне, не к тракту. К Владу. Он знает дорогу.

– Влад? – Виктория растерялась. – При чём здесь Влад?

Бабушка посмотрела на неё долгим взглядом.

– Он не тот, кем кажется, Виктория. Но он не враг. Пока не враг. – Она подошла к двери и взялась за засов. – Помни: три удара. И не зажигай огонь, что бы ты ни увидела.

– Бабушка, не надо!

Но бабушка уже отодвинула засов. Дверь распахнулась, и в дом ворвался ветер. Он был холодный, сырой, и пах так, как пахнет земля, которую только что выкопали из могилы. Виктория увидела за порогом темноту – не ночную, а густую, будто кто-то пролил на лес чернила. В этой темноте что-то двигалось. Медленно, тяжело.

Бабушка шагнула за порог.

– Закрой дверь, – сказала она, не оборачиваясь.

Виктория не могла пошевелиться. Она смотрела, как бабушка уходит в темноту, как её силуэт становится всё меньше, как тьма смыкается за ней. Потом дверь сама собой захлопнулась. Виктория вздрогнула, будто очнулась, и бросилась к двери. Засов был тяжёлый, но она задвинула его.

За дверью было тихо. Ни шёпота, ни скребка. Только ветер.

Виктория простояла так, наверное, целую вечность. По-

том отошла к печи и села на пол, обхватив колени. Медальон лежал на груди, тёплый, почти горячий. В ладонях всё ещё пульсировало пламя, но теперь оно не пугало. Оно было единственным, что осталось от бабушки.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Она считала удары сердца, чтобы не слышать тишину. И когда эта тишина стала совсем невыносимой, она услышала шаги.

Кто-то шёл к двери. Медленно. Тяжело. Шаги были не бабушкины – слишком тяжёлые, будто ноги утопали в земле. Виктория затаила дыхание.

Раздался стук.

Раз.

Виктория вскочила.

Два.

Она подбежала к двери, но не коснулась засова. Помнила: три удара. Не два.

Три.

Тишина.

Виктория смотрела на дверь, не дыша. За ней что-то ждало. Она чувствовала это. Оно стояло и ждало, когда она откроет. И в этом ожидании было что-то знакомое. Родное. Как будто за дверью стоял не монстр из-под земли, а кто-то, кого она давно знала.

– Виктория, – раздалось за дверью. Голос был тихий, хриплый. – Открой. Это я.

Она замерла. Голос был бабушкин. Но что-то в нём было не так. Слишком ровный. Слишком спокойный. Как будто кто-то выучил слова, но не понял, что они значат.

– Бабушка? – прошептала Виктория.

– Открой, девочка. Я замерзла. Здесь холодно.

Рука Виктории потянулась к засову. Медальон на груди вдруг стал ледяным. Обжёг холодом так, что она вскрикнула и отдернула руку. И в этот момент за дверью снова заговорили. Теперь голос был другой – низкий, насмешливый:

– Не открывай. Это не она.

Виктория отшатнулась. Голос был незнакомый. Но в нём была та же насмешка, что она слышала днём в голосе Влада. Только старше. И злее.

– Кто там? – спросила она.

– Тот, кто не даст тебе умереть сегодня, – ответил голос. – Но если ты откроешь, я не смогу помочь. Слушай: бабушка ушла к колодцу. Она жива. Пока. Но ты должна оставаться в доме до рассвета. Что бы ты ни услышала. Что бы ты ни увидела. Не открывай.

– Почему я должна тебе верить?

– Потому что я – единственный, кто говорит тебе правду. Даже когда это неприятно.

За дверью снова стало тихо. Виктория прижалась спиной к печи, обхватила себя руками и стала ждать рассвета.

Она не знала, что в это время за оврагом бабушка стояла на коленях перед старым колодцем, а чёрная вода поднима-

лась всё выше, и в её глубине отражалось не бабушкино лицо, а чужое – молодое, с глазами, в которых горел огонь. Тот самый огонь, который Виктория так старалась сдерживать.

А в столице, во дворце, молодой принц стоял у окна, смотрел на лес за стенами и сжимал в руке кулон с королевским гербом. Он знал: этой ночью всё начнётся. И он не был уверен, что сможет защитить её от того, что уже поднималось из-под земли.

Глава 3. Не ходи, к колодцу красна девица

Виктория не заметила, как уснула. Она сидела на полу у печи, прижавшись спиной к тёплым кирпичам, и считала удары сердца. Сто. Двести. Триста. На четырёхсотом сон всё-таки забрал её – тяжёлый, без сновидений. А когда она открыла глаза, за окном уже светило.

Первое, что она почувствовала, – холод. Печь давно остыла, и дом стал чужим. Второе – тишину. Не ту утреннюю тишину, к которой она привыкла, когда лес только просыпается и перешёптывается верхушками сосен. Эта тишина была глухой, будто кто-то заткнул уши ватой. Ни птиц. Ни ветра. Ни скрипа половиц.

Виктория поднялась. Тело затекло, руки дрожали. Медальон на груди был тёплым – единственное, что напоминало о бабушке. Она коснулась его через рубаху и вспомнила: три удара. Она их слышала. И голос. Не бабушкин.

– Бабушка? – позвала она, хотя знала, что никто не ответит.

Дом молчал. Виктория обошла комнату, заглянула в бабушкину каморку за печью. Постель была заправлена, вещи на месте. На постели лишь лежал клочок бумаги, сложенный вчетверо. Она развернула его.

Почерк был бабушкин, торопливый, будто она писала письмо в спешке: «Виктория, если ты это читаешь, значит, я не вернулась. Не ищи меня у колодца. Иди к Владу. Он знает, что делать. И помни: огонь не враг. Враг – тот, кто заставляет тебя его бояться».

Вика перечитала записку дважды. Потом спрятала её за пазуху, рядом с медальоном. Враг – тот, кто заставляет бояться. Она не знала, что это значит, но слова царапнули что-то внутри. Как заноза. Как правда, которую не хочется признавать.

Она собралась быстро. Надела тёплый шугай, завязала башмаки, взяла нож, который бабушка держала под лавкой, и вышла на крыльцо. Лес стоял неподвижно. Даже мох под ногами не хрустел. Виктория сделала шаг, другой – и остановилась. У крыльца, на нижней ступеньке, кто-то оставил след. Не человеческий. Слишком широкий, с длинными отпечатками когтей. След вёл от двери к тропе, а потом сворачивал в сторону оврага.

Виктория сжала нож. Бабушка запрещала ходить к оврагу. Но бабушка также сказала идти к Владу. А Влад жил как раз за оврагом, в сторожке лесничего. Если она хотела добраться до него, ей придётся пройти мимо старого колодца.

– Ну и ладно, – сказала она вслух, чтобы услышать хоть какой-то голос. – Всё равно туда идти.

Лес не ответил. И это было хуже всего.

Тропа, которую она знала с детства, казалась чужой. Де-

ревья стояли слишком близко друг к другу, будто сдвинулись за ночь. Корни выползли на поверхность и цеплялись за башмаки. А в воздухе висел запах – сладковатый, тяжёлый, как от переспелой ягоды, которую оставили гнить на солнце. Виктория шла быстро, стараясь не смотреть по сторонам, но глаза сами цеплялись за детали: вот на коре сосны – глубокие царапины, будто кто-то драл её когтями. Вот на мху – тёмное пятно, слишком похожее на кровь. Вот птица, сидящая на ветке, – не живая, а будто вырезанная из дерева, с пустыми глазами.

Виктория ускорила шаг. Овраг был уже близко – она чувствовала его по тому, как земля начала уходить вниз, а воздух стал сырым и холодным. И тут она услышала шёпот.

Тот самый. Тягучий, вкрадчивый, будто из-под земли.

– Виктория... – Голос шёл отовсюду и ниоткуда. – Ты идёшь не туда.

Она остановилась. Нож в руке дрогнул.

– Кто ты? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

– Тот, кто ждёт тебя у колодца. Тот, кто помнит твоё настоящее имя.

– У меня нет другого имени.

– Есть. – Шёпот стал ближе, почти у самого уха. – Оно написано на чёрной воде. Приди и посмотри.

Виктория сделала шаг назад. Потом ещё один. Тропа за спиной была пуста, но ей казалось, что кто-то стоит за де-

ревьями и смотрит. Медленно, очень медленно она повернулась и пошла обратно – не к оврагу, а в сторону, где рос орешник. Там была старая тропинка, которую знали только они с Владом. Она петляла, огибая овраг, и выводила прямо к сторожке. Бабушка запрещала ею пользоваться – говорила, что лес не любит, когда его обходят. Но сейчас было не до бабушкиных запретов.

Шёпот за спиной стих. Но не исчез. Он просто ждал.

Тропинка через орешник оказалась заросшей. Виктория продиралась сквозь ветки, царапая руки, и думала только об одном: дойти. Дойти до Влада. Он сын лесничего, он знает лес. Он поможет. Даже если он не тот, кем кажется. Даже если бабушка предупреждала. У неё не было выбора.

Она почти выбралась на поляну, когда услышала треск. Не ветки под ногой – что-то большее. Тяжёлое. Виктория замерла и обернулась.

Из-за деревьев вышел человек. Высокий, в тёмном плаще, с капюшоном, который скрывал лицо. В руке он держал посох – не деревянный, а будто выточенный изо льда. От него шёл пар.

Виктория подняла нож.

– Не подходи.

Человек остановился. Потом медленно откинул капюшон. Лицо у него было молодое, но усталое, будто он не спал неделю. Тёмные волосы, острые скулы, глаза – серые, как вода в пасмурный день. И усмешка. Кривая, насмешливая, но не

злая.

– Ты, должно быть, Виктория, – сказал он. – Бабушка говорила о тебе. Правда, не предупредила, что ты ходишь по лесу с ножом наперевес.

– Кто ты? – повторила она.

– Виктор. – Он сказал это так, будто его имя должно было всё объяснить. – Тёмный Лорд, если тебе так удобнее. Хотя, честно говоря, титул дурацкий. Его придумали те, кто меня боится.

– Ты... – Виктория вспомнила голос за дверью. – Это ты говорил со мной ночью.

– Я. – Он не стал отрицать. – И, судя по тому, что ты жива и не открыла дверь, ты меня послушала. Умница. Хотя, может, это была не ты, а медальон. Он у тебя?

Виктория инстинктивно прижала руку к груди.

– Откуда ты знаешь про медальон?

– Потому что я его делал. – Виктор шагнул ближе. – Точнее, я помогал. Бабушка не всё тебе рассказала, но это не её вина. Она хотела защитить тебя. Правда, защита получилась так себе.

– Где бабушка?

Виктор помолчал. Потом посмотрел в сторону оврага.

– У колодца. Она жива. Пока. Но если ты пойдёшь туда сейчас, ты сделаешь только хуже. Ты не готова.

– Я не готова? – Виктория почувствовала, как в ладонях снова вспыхнуло тепло. – Я всю ночь просидела в доме, слу-

шая, как что-то скребётся в дверь! Я не знаю, кто я, что происходит и почему мой лучший друг, оказывается, не тот, кем кажется! А ты говоришь, что я не готова? Крнечно не готова, от меня все всё постоянного скрывают, от чего же я буду готова?

– Нет, – сказал Виктор спокойно. – Не готова. Потому что ты злишься и боишься одновременно. А огонь не любит, когда его пускают в руки тому, кто не знает, куда его направить. Ты ведь уже чувствуешь его? В ладонях?

Виктория сжала кулаки. Тепло стало горячим, почти обжигающим.

– Откуда ты...

– Потому что я чувствую то же самое. Только у меня вода. – Виктор поднял посох, и с его кончика сорвалась капля. Она повисла в воздухе, замерцала и превратилась в маленькую ледяную сосульку. – Мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь. Твоя бабушка – хранительница границы. Я – страж. А ты – ключ.

– Ключ к чему?

– К тому, что запечатано под землёй. – Виктор шагнул ещё ближе, и Виктория, сама не понимая почему, не отступила. – Король заключил сделку с Властителем Ада. Давно. Чтобы стать всемогущим. Но сделка требует жертвы. Огня. Твоего огня. И бабушка попыталась спрятать тебя. Получилось... почти.

– Почему я должна тебе верить? – Виктория посмотрела

ему прямо в глаза. – Ты назвал себя Тёмным Лордом. Все тебя боятся. Влад ничего о тебе не говорил.

– Влад – мой двоюродный брат. – Виктор усмехнулся. – И он многого не говорит. Это у нас семейное. Но он не враг. Просто... запутался. Как и все мы.

Виктория молчала. В голове было слишком много вопросов, и ни один из них не помещался в слова.

– Мне нужно к Владу, – сказала она наконец.

– Знаю. – Виктор отступил в сторону, освобождая тропу. – Иди. Но запомни: то, что ты видела ночью, – только начало. Они придут снова. И в следующий раз не будут стучать.

– А ты? – спросила она, хотя не собиралась.

– А я буду рядом. – Он снова усмехнулся. – Кто-то же должен говорить тебе правду, даже когда ты не хочешь её слышать.

Виктория не стала отвечать. Она обошла его и почти побежала по тропе – к сторожке, к Владу, к хоть какой-то определённости. За спиной было тихо. Виктор не пошёл за ней. Но она чувствовала его взгляд – холодный, как вода в колодце.

Сторожка лесничего стояла на краю леса, у самого тракта. Виктория знала её с детства: низкий сруб, покосившееся крыльцо, вечно открытая дверь. Но сегодня дверь была заперта. И ставни закрыты.

Она постучала. Раз. Другой. Третий.

За дверью послышались шаги. Быстрые, лёгкие. Дверь

распахнулась.

Влад стоял на пороге. В рубахе, с растрёпанными волосами, с лицом, на котором за ночь прибавилось морщин. Увидев Викторию, он выдохнул – так, будто держал дыхание с самого вечера.

– Ты жива, – сказал он. – Заходи. Нам многое нужно обсудить.

А далеко за лесом, во дворце, король стоял у окна и смотрел на запад. Там, за стенами, за трактом, за лесом, под землёй, что-то шевелилось. Он чувствовал это. И улыбался.

– Скоро, – сказал он вслух. – Совсем скоро.

И в этот момент Виктория, сидя на лавке в сторожке Влада, впервые за всю ночь почувствовала, что огонь в её ладонях больше не пугает. Он ждал. Как и все остальные.

Глава 4. Всё тайное становится явным

Виктория переступила порог и сразу это почувствовала. Обычно здесь стоял запах сырой древесины, дыма и трав, которые Влад сушил под потолком. А сегодня – воск, чернила и ещё что-то тёплое, почти домашнее, будто здесь всю ночь горели свечи. На столе лежали карты. Не те потрёпанные схемы лесных троп, которые Влад рисовал для забавы, а настоящие – с печатями, с пометками, с тонкими линиями границ. Виктория успела заметить герб – корону над двумя скрещёнными ветвями – прежде чем Влад накрыл карту ладонью.

– Садись, – сказал он. – Ты дрожишь. И убери из рук нож.

– Я не дрожу.

Виктория посмотрела на свою руку. Пальцы сжимали рукоять ножа так, что побелели костяшки. Она медленно положила нож на стол. Недалеко. На всякий случай.

Влад пододвинул ей скамью, налил в кружку воды из кувшина. Сам остался стоять, прислонившись к печи. В его движениях была та же лёгкость, что и всегда, но теперь Виктория видела под ней другое – настороженность. Он будто ждал удара.

– Ты не сын лесничего, – сказала она. Не спросила. Просто

сказала вслух, чтобы это стало правдой.

Влад помолчал. Потом покачал головой.

– Нет.

– Конечно. – Виктория усмехнулась, но усмешка вышла кривой. – Сын лесничего не смог бы себе позволить рубахи столь хорошего кроя.

– Я не обычный сын лесничего, – твёрдо сказал Влад. – Я страж леса. Защитник этих земель. Живу здесь, в лесу, и слежу за порядком.

Виктория смотрела на него и не понимала.

– То есть ты... охраняешь лес?

– Не только лес. – Влад кивнул на карты. – Я слежу за тем, чтобы границы были целы, чтобы люди не совались туда, куда нельзя, чтобы твари из-под земли не выбирались наружу. Уже три года. Люди думают, что это делает королевская стража. На самом деле это делаю я. Точнее, мы с несколькими помощниками.

– Но почему ты мне не сказал? – спросила она. – Почему ты позволил мне думать, что ты просто сын лесничего?

Влад помолчал. Потом посмотрел ей прямо в глаза.

– Потому что я обещал твоей бабушке. Она попросила меня не говорить тебе правду. Ни о том, кто я, ни о том, что происходит. Она сказала, что ты должна узнать всё сама, когда придёт время. И что пока ты не готова.

– Ты обещал? – Виктория недоверчиво прищурилась. – И ты согласился?

– Согласился. – Влад не отвёл взгляда. – Я не хотел врать. Но твоя бабушка была уверена, что так будет безопаснее. Для тебя. И для всех нас. Она боялась, что если ты узнаешь слишком рано, то не сумеешь сдержать огонь. Или что Бездна почувствует твой страх и придёт раньше.

– А ты? Ты тоже так думал?

– Я думал, что ты имеешь право знать. – Влад вздохнул. – Но это была не моя тайна. Это была её. И я не мог предать.

– Ты предал меня, – тихо сказала Виктория.

– Знаю. – Он опустил голову. – И мне жаль. Правда жаль. Но теперь ты знаешь. И я больше не буду ничего скрывать. Обещаю.

– Ты уже один раз пообещал, – ответила она. – Бабушке.

Влад ничего не сказал. Только сжал кулаки.

– Ты потерял мою веру к себе в ту минуту, когда соврал, – продолжила Виктория, и голос её дрогнул. – Я всю ночь просидела в доме, слушая, как что-то скребётся в дверь. Мне бабушка оставила записку, в которой сказала идти к тебе. К тебе! А ты оказывается страж леса. И мой лучший друг. И ты знал, что происходит. Знал, что за мной придут. И молчал. Потому что обещал.

– Я не знал, что они придут этой ночью, – сказал Влад. – Я знал, что рано или поздно придут. Я готовился. Но твоя бабушка... она была уверена, что у неё есть ещё время. Что она успеет тебя подготовить.

– Подготовить к чему? К тому, что я ведьма? Что во мне

огонь? Что король заключил сделку с Властителем Ада? – Виктория выдохнула. – Я узнала это от какого-то Тёмного Лорда в лесу, а не от тебя.

Влад резко выпрямился.

– Ты видела Виктора?

– Видела. Он сказал, что ты не враг. Просто запутался.

– Он всегда так говорит. – Влад провёл рукой по волосам. – Виктор – мой старый знакомый. Мы вместе росли. Потом всё сломалось. Его обвинили в том, чего он не делал. Он ушёл. Стал тем, кем его называют. Тёмным Лордом. Стражем границы.

– Он сказал, что бабушка – хранительница границы. А я – ключ.

– Он не должен был тебе это говорить.

– Почему? Потому что я не готова? – Виктория почувствовала, как в ладонях снова разгорается тепло. – Мне все говорят, что я не готова. Бабушка говорила. Ты говоришь. Виктор говорит. А я устала быть неготовой. Я хочу знать правду.

– Правда в том, – сказал Влад тихо, – что король заключил сделку с Бездной. Давно. Ещё до того, как ты родилась. Он хотел власти. Хотел стать повелителем всего мира. И Бездна дала ему силу. Но за силу нужно платить. И плата ещё не внесена.

– Какая плата?

Влад помолчал. Потом встал и подошёл к окну. За ставнями было тихо, но он всё равно говорил не сразу, будто каж-

дое слово давалось ему с трудом.

– Сначала Бездне нужна была не ты. Ей нужна была твоя бабушка. Она была хранительницей границы. Настоящей, сильной. Такой, что король не мог её одолеть. Он пробовал. Несколько раз. Посылал людей, посылал тварей, посылал свою стражу. Ничего не вышло. Она держала печати, и пока она их держала, Бездна не могла подняться.

– Но потом...

– Потом родилась ты. – Влад обернулся. – И часть её силы перешла к тебе. Как дар. Твоя бабушка не стала слабее в одночасье, но она стала уязвимой. Король заметил это. Он понял, что если ударить не по ней, а по тем, кто ей дорог, она дрогнет. И он взял под стражу твоих родителей. Твою мать и твоего отца. Чтобы ведьма сдалась.

Виктория почувствовала, как холод пробирается под куртку. Не тот холод, что от леса, а другой – изнутри.

– Она сдалась? – спросила она тихо.

– Нет. – Влад покачал головой. – Она не сдалась. Она знала, что если отдаст силу, Бездна вырвется и тогда погибнут все. И она сделала выбор. Самый страшный, какой может сделать ведьма. Она пожертвовала жизнями своей дочери и зятя. Твоих родителей. А потом ушла в зачарованный лес. Тот, который не пускает чужого. Тот, где ты выросла.

Виктория смотрела на него и не могла вымолвить ни слова. Внутри было пусто и горячо одновременно. Огонь в ладонях дрогнул, стал неровным, как пламя на ветру.

– То есть... – Она сглотнула. – Моих родителей... убили. Из-за меня.

– Нет. – Влад шагнул к ней. – Не из-за тебя. Из-за короля. Из-за его сделки. Бабушка сделала то, что должна была сделать, чтобы ты выжила. Чтобы Бездна не получила тебя. Она отдала всё, что у неё было, кроме тебя. И ушла в лес, где никто не мог вас найти.

– Она никогда мне не говорила.

– Она не могла. – Влад опустился на скамью напротив. – Ты была слишком мала. А потом... потом было уже поздно. Она надеялась, что успеет. Что научит тебя держать огонь. Что расскажет всё сама. Но король ударил раньше.

Виктория сжала кулаки. Тепло стало горячим, почти обжигающим, но она не отпускала. Не хотела отпускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.